

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
M98

Liz Murray

BREAKING NIGHT: A MEMOIR OF FORGIVENESS, SURVIVAL,
AND MY JOURNEY FROM HOMELESS TO HARVARD

Copyright © 2010 Liz Murray

This edition published by arrangement with Hachette Books,
an imprint of Perseus Books, LLC, a subsidiary of Hachette Book Group
Inc., New York, New York, USA. All rights reserved

Мюррей, Лиз.

M98 Лиз. Которая гуляла сама по себе (Клуб бездомных мечтателей) / Лиз Мюррей ; [перевод с английского А.В. Андреева]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — (5 женщин. Правда, которую нужно рассказать).

ISBN 978-5-04-114164-6

Лиз свободна делать, что ей вздумается. Никто не следит, куда она ушла и во сколько вернется домой. Лиз бросила школу, и ее мама не против. Ее мама — наркоманка.

У 14-летней Лиз есть взрослый парень, куча крутых друзей и вся жизнь впереди. Короткая жизнь, которая закончится как у ее матери.

Кто-то сказал Лиз, что она умная. Если бы закончила школу, могла бы поступить в Гарвард.

Кому нужен Гарвард, подумала Лиз. Но все равно решила попробовать...

Книга также выходит под названием «Клуб бездомных мечтателей».

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Андреев А. В., перевод на русский язык, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-114164-6

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	9
I. ОПАСНЫЙ РАЙОН	12
II. ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО	64
III. ЦУНАМИ	102
IV. КРАХ	150
V. В ТУПИКЕ	194
VI. МАЛЬЧИКИ	234
VII. ПЕРЕЛАМЫВАЯ НОЧЬ	251
VIII. МОТЕЛИ	272
IX. ЖЕМЧУЖИНЫ	308
X. СТЕНА	312
XI. ЗАРАБОТОК	357
XII. ВОЗМОЖНОСТЬ	376
ЭПИЛОГ	432
БЛАГОДАРНОСТИ	439
ПРИГЛАШЕНИЕ ОТ ЛИЗ МЮРРЕЙ	443

Имена и внешность главных героев были изменены.

Эта книга посвящена трем людям, любовь которых помогла мне ее написать.

Эду Фермину. За годы, что мы провели вместе, и за годы, которые нам еще предстоят. Спасибо тебе за то, что ты заботился о моем отце. Спасибо, что делился со мной планами и мечтами, а также что ты — часть моей семьи. Спасибо за то, что ты мне всегда помогал. Когда я думаю, что в моей жизни было хорошего, я вспоминаю о тебе.

Артуру Флику. За советы, как лучше рыбачить, за поездки на мотоцикле и за все наши путешествия, которые я всегда буду вспоминать с теплотой и радостью. Спасибо за то, что был моим ангелом-хранителем и помогал мне понять, что говорило мое собственное сердце. Ты прав, Артур, человек сам выбирает свою семью.

Робин Дайан Линн, щедрой и великодушной женщине, которой можно доверять. Робин, твоя душа — настоящее золото, и ты на многое готова, чтобы помочь другим. Ты делаешь мир лучше. Спасибо за то, что показала, как надо быть верной самой себе в любых жизненных ситуациях.

*Не давайте тому, что вы не можете
сделать, помешать тому, что можете.*

Джон Вуден

Тот, кто хочет петь, найдет песню.

Шведская пословица

ПРОЛОГ

У меня осталась всего одна фотография моей матери. Небольшая черно-белая карточка, заломанная в нескольких местах. На ней мама сидит, немного ссутулившись, положив локти на колени. Я практически ничего не знаю о том периоде жизни матери, когда была сделана эта фотография. На обратной стороне оранжевым фломастером написано: «Напротив дома Майка на Шестой улице, 1971». В том году маме было семнадцать лет, то есть она на год старше, чем я сейчас. Я знаю, что Шестая улица находится в Гринвич-виллидж, но понятия не имею о том, кто такой Майк.

Судя по фотографии, мама была серьезным подростком. Ее губы плотно сжаты. Голову обрамляют черные кудрявые волосы. Больше всего мне нравятся ее глаза. Они — как два блестящих черных агата.

Я внимательно изучала черты матери, запоминала их и потом сравнивала со своим отражением в зеркале. Я распускала волосы точно так же, как у нее на фото. Стоя у зеркала, я медленно водила пальцем по своему лицу, начиная с глаз. Наши глаза очень похожи, правда у матери они коричневого цвета, а у меня желто-зеленые, как у бабушки. Потом я начала сравнивать губы и поняла, что они у нас тоже очень похожи. Несмотря на то что у нас есть общие черты, моя мать гораздо красивее меня.

Я сравнивала наши лица много-много часов. Это была моя игра, в которую я играла, когда у меня не было дома и я жила у разных друзей. Ночью я подхо-

ЛИЗ. КОТОРАЯ ГУЛЯЛА САМА ПО СЕБЕ

дила к зеркалу в ванной, запирала дверь и начинала сравнивать наши лица. Мои друзья мирно спали в соседней комнате. Их уложили спать родители, пожелав спокойной ночи. Пока они видели сны, я проводила у зеркала много часов, ощущая голыми ступнями холод от кафельного пола.

Я до рассвета стояла у зеркала. Если я ночевала у Джейми, то сразу после восхода солнца звенел будильник ее матери, после чего она шла в ванную. Если я ночевала у Бобби, то сигналом, что пора ложиться, были звуки грузовика, который вывозил мусор.

Я тихо подходила к своей раскладушке. Я никогда не позволяла себе слишком расслабляться, потому что не знала, где буду ночевать в следующую ночь. Потом я лежала на спине и продолжала в темноте водить пальцами по лицу, представляя маму. Я думала о том, что наши жизни очень похожи.

В шестнадцать лет мама тоже была бездомной. Она, как и я, бросила школу. Точно так же, как я, мама каждый день принимала решение, где она будет спать в эту ночь: на крыше, в парке, в подъезде или в метро. Мама жила в Бронксе, и о том, что на темных улицах она находится в опасности, ей постоянно напоминали сирены полицейских машин и небольшие плакаты с фотороботами преступников, наклеенные на фонарных столбах.

Я размышляю, было ли маме страшно. Мне вот в последнее время все время страшно. Я постоянно думаю о том, где буду спать ночью: у друзей, в пустом вагоне или где-нибудь на лестничной площадке.

Я медленно вожу пальцем по лбу и губам. Мне так хочется почувствовать мамино тепло, когда она меня обнимает. Я думаю о маме и начинаю плакать. Потом поворачиваюсь на бок, вытираю слезы и накрываюсь с головой выданным мне одеялом.

ПРОЛОГ

Я стараюсь прогнать мысль о маме и запрятать ее в самые глубокие недра подсознания. Я старюсь думать, что происходит за стенами дома, увешанного портретами членов семьи Бобби, уйти мыслями туда, где на улицах Бронкса пьяные латиноамериканцы, сидя на ящиках, играют в домино, громко стуча кулаками о стол, в который победитель «вбивает» свою последнюю фишку. Я стараюсь думать о чем угодно, и постепенно мамин образ исчезает. Если я продолжу думать о ней, я не смогу заснуть. Мне нужен сон, потому что через несколько часов я снова окажусь на улице, и мне некуда будет податься.

ОПАСНЫЙ РАЙОН

Впервые отец узнал обо мне, когда мама пришла навестить его в тюрьме. Мама подняла подол платья, чтобы показать через разделявшее их стекло свой большой живот. Тогда моей сестренке Лизе было уже чуть больше года. Мама взяла с собой и ее, чтобы отец на нее посмотрел.

Позже, размышляя о своей жизни, мама говорила так: «Мы с папой не это планировали. Так получилось, дорогая».

Мама начала употреблять наркотики, когда ей было тринадцать. Она говорила: «Мы с папой хотели бросить. Мы думали, что рано или поздно станем точно такими же людьми, как и все остальные. Папа хотел получить постоянную работу, а я мечтала, что буду стенографисткой в суде».

Мама употребляла кокаин внутривенно. Так белый порошок давал более сильный «приход», и его требовалось меньше, чем когда нюхаешь. Весь наркотик без потерь попадал в кровь, проходя по венам, как шаровая молния. После дозы мама чувствовала себя хорошо и была готова встретить новый день.

«Порошок дает мне энергию», — говорила она.

Мама стала наркоманкой еще подростком. Она выросла в доме, в котором царила атмосфера насилия и злобы.

«Бабушка была чокнутой, Лиззи. Папа приходил домой бухой и начинал всех нас бить — электриче-

ОПАСНЫЙ РАЙОН

скими шнурами, палками — всем, что под руку попадалось. Бабушка после этого шла на кухню и убиралась, бормоча что-то, словно ничего особенного не произошло. Она вела себя словно, блин, Мери Поппинс, пока мы все зализывали раны».

Мама была старшей из четырех детей в семье. Она часто говорила о чувстве вины перед братьями и сестрами, которых бросила в тринадцать лет, когда ушла из дома.

«Я больше не могла там оставаться даже ради Лори и Джонни. По крайней мере, Джимми повезло, и его забрали в другую семью. Надо было выбираться оттуда как можно быстрее. Понимаешь, под мостом было удобнее и безопаснее, чем дома».

Я спросила маму, чем она занималась под мостами.

«Ну, дорогая, что мы делали... Общались с друзьями, болтали о жизни. О наших фиговых родителях. О том, что здесь нам лучше. Мы говорили... ну, и «торчали», конечно. А когда «торчишь», не имеет большого значения, где ты находишься».

Мамина наркозависимость началась с клея и марихуаны. Иногда она жила у друзей. Она зарабатывала на жизнь проституцией и порой работала курьером на велосипеде. Потом она постепенно перешла на амфетамин и героин.

«Тогда Гринвич-виллидж был совершенно заповедным местом. Я носила высокие кожаные сапоги, плащ-накидку и была худой, как палка. У нас тогда прикиды были очень серьезные, мы прикольно одевались. Говорили на жаргоне. Видела бы ты меня тогда!»

Когда мама познакомилась с папой в 1970-х, в моде были густые усы, диско-музыка и кокаин. Мама рассказывала, что отец был «красавцем и дико умным».

ЛИЗ. КОТОРАЯ ГУЛЯЛА САМА ПО СЕБЕ

«Понимаешь, у него были мысли. А я общалась с полными недоумками и лузерами, а твой отец был совсем другим. У него голова хорошо варилась».

Мой отец родился в семье ирландских католиков, проживавших в пригороде, из среднего класса. Его отец был капитаном морского корабля и сильно пил. Мать — работающая и тихая женщина, которая не хотела мириться с «мужскими глупостями», как она их называла.

«Лиззи, знай, твой дедушка был алкоголиком. Мерзкий человек, который много пил и очень плохо относился к людям, — сказал мне однажды отец. — А твоя бабушка не захотела мириться с этим. Ей было наплевать, что тогда разводов было мало, она взяла и развелась».

После развода мой папа уже никогда не встречался со своим отцом.

«Он, Лиззи, был очень непростой человек. Наверное, даже хорошо, что он от нас ушел. С ним все было бы только сложнее».

Детские друзья папы описывали его как ранимого ребенка, который очень остро переживал расставание с отцом. Его мать нашла работу, на которой трудилась целыми днями, а мой папа был предоставлен сам себе. Он или сидел дома один или вечерами навещал своих немногочисленных друзей. Иногда даже казалось, что он растет не у себя дома, а в чужих семьях. Его отношения с матерью были далеко не идеальными.

«Твоя бабушка не была общительным человеком, — рассказывал мне папа. — Она — типичная ирландка-католичка. О чувствах мы в семье не разговаривали. Если ты произносил слово «я», то дальше надо было говорить «хочу есть» или «замерз». Без вариантов. Мы с матерью не говорили о личном».

ОПАСНЫЙ РАЙОН

Хотя моя бабушка, может быть, и не испытывала материнской теплоты к сыну, она делала все возможное, чтобы у него было обеспеченное будущее. Она хотела дать ему хорошее образование. Она работала бухгалтером на двух работах и все деньги вкладывала в образование сына.

Папа учился в лучших католических школах Лонг-Айленда. В средней школе Шаминейд¹ отец сидел на одной скамье с детьми из самых богатых семей. Большинству его сверстников родители подарили на шестнадцатилетие первые автомобили, а папа добирался до школы на автобусах с пересадкой.

У папы были все предпосылки, чтобы стать успешным человеком. Однако частное образование не послужило хорошим стартом, потому что он стал наркоманом.

Папа читал американские романы, гостил на загородных дачах своих богатых одноклассников, игнорируя телефонные звонки матери, а в качестве развлечения «закидывался» амфетамином под трибунами на школьном поле для игры в американский футбол.

Папа был умницей, но постоянное употребление наркотиков привело к тому, что в школе ему было сложно сосредоточиться, потому что ночами он не спал. В последний год обучения в школе папа подал документы и был принят в колледж, расположенный в центре города. Он думал, что образование в хорошем колледже обеспечит его будущее. Но старые привычки забываются с трудом, и отец продолжал «торчать» на Манхэттене.

Через пару лет папа направил всю свою энергию не на учебу, а на продажу наркотиков, превратив-

¹ Элитная католическая школа, существующая с 1930 г. —
Здесь и далее прим. перев.